

УДК 347.6

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-2-181-188

ПРИНЦИП НЕДОПУСТИМОСТИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ДЕЛА СЕМЬИ

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич*

✉ 4077778@list.ru

Ул. Пушкина, 11, Элиста, Республика Калмыкия, 358000,
Россия

***Аннотация.** В статье проводится исследование одного из основополагающих принципов семейного права, направленное на уточнение границ между законным и произвольным вмешательством государства и третьих лиц в дела семьи. Автор доказывает, что не являются произвольным вмешательством в дела семьи действия, совершаемые в соответствии с законом и отвечающие принципу соразмерности и пропорциональности. Отмечается, что в настоящий момент нормативная реализация принципа запрета произвольного вмешательства в дела семьи имеет противоречивый характер. С одной стороны, декриминализация семейного насилия – это уменьшение вмешательства государства и общества в дела семьи, с другой стороны, мы видим усиление роли ювенальной юстиции, что означает увеличение вмешательства государства в дела семьи.*

***Ключевые слова:** семья, вмешательство, оценочная категория, публичные интересы, частная жизнь, принцип, запреты, ограничения.*

The Principle of the Inadmissibility of Arbitrary Interference in Family Affairs

Ryzhenkov Anatolii Ya.**

✉ 4077778@list.ru

11 Pushkina st., Elista, Republic of Kalmykia, 358000,
Russia

***Abstract.** The article investigates one of the fundamental principles of family law aimed at clarifying the boundaries between legal and arbitrary interference of the state and third parties in the affairs of the family. The Author argues that acts committed in accordance with the law and contrary to the principle of proportionality and proportionality do not constitute arbitrary interference in the affairs of the family. It is noted that at the moment the normative implementation of the principle of prohibition of voluntary interference in family affairs is controversial. On the one hand, the decriminalization of family violence is decreasing interference of state and society in the family business, on the other hand, we see the strengthening of the role of the juvenile justice system, which means the increase of state intervention in the affairs of the family.*

***Keywords:** family, intervention, evaluation category, public interest, private life, principle, prohibitions, restrictions.*

Исследование принципов семейного права представляется необходимым, потому что такие принципы (основные начала) являются основополагающими идеями, лежащими в основе семейного права как отрасли права, определяют

цели и задачи государственной политики в сфере семейных отношений. Являясь ядром семейного права, его принципы отображают в концентрированном виде нравственные и культурные ценности российского общества, определяют

* Профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

** Professor of the Department of Civil Law and Procedure at Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Legal Sciences, Professor.

векторы дальнейшего развития семейного законодательства, способствуют правильному толкованию и применению его норм. Именно поэтому изучение принципов права с точки зрения юридической техники и механизма их реализации в нормах семейного и иного законодательства является столь важным и значимым вопросом.

Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи имеет межотраслевой характер, а соответствующие отношения регулируются, наряду с нормами семейного права, также нормами конституционного, гражданского и иных отраслей права. Так, ст. 23 Конституции РФ предусматривает право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; ст. 10 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации закрепляет правило, по которому в определенных законом случаях допускается закрытое судебное разбирательство в целях обеспечения тайны усыновления, а также обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан; ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не допускает произвольного вмешательства кого-либо в частные дела [15, с. 78]. Рассмотрение исследуемого принципа в контексте норм Конституции РФ и ГК РФ позволяет сделать вывод, что запрет на вмешательство в дела семьи выступает одним из проявлений более общего запрета на произвольное вмешательство в частные дела как родовой категории. При этом следует обратить внимание на тесную взаимосвязь принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи с другими принципами семейного права. Наиболее тесная связь прослеживается с принципом обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, также закрепленном в ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ).

Поскольку сфера действия обоих принципов отчасти совпадает, представляется обоснованным провести их разграничение. На этот счет в научной литературе высказано несколько точек зрения. Так, одни авторы отмечают, что «принцип необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав по содержанию и общей направленности очень близок к принципу недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Если последний принцип непосредственно связан с действиями третьих лиц, нарушающих субъективные права

и законные частные интересы субъектов гражданского права, то рассматриваемый принцип призван обеспечить возможность беспрепятственного осуществления гражданских прав лицом, которому данные права принадлежат. Третьи лица обязаны воздерживаться от создания каких-либо препятствий, мешающих уполномоченному лицу осуществлять принадлежащие ему права [3, с. 12]. Другие авторы также задаются вопросом о том, насколько целесообразно разделение в механизме осуществления прав и исполнения обязанностей принципов недопустимости вмешательства в частные дела и беспрепятственного осуществления гражданских прав. Основанием для их разделения служит положение ст. 1 ГК РФ, которое в перечне основ гражданского законодательства (среди прочих) провозглашает и оба указанных принципа. Представляется, что по содержанию и действию эти принципы, действительно, очень близки, и не случайно многими авторами содержание одного из них толкуется через диспозицию другого. Отличие же между ними в том, что «принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав обращается к обладателю субъективного гражданского права, очерчивая границы его собственного поведения, а границами поведения других участников гражданских правоотношений являются юридические императивы принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела» [10, с. 21].

Е. А. Суханов считает, что принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела характеризует гражданское право как частное право, учитывая, что он адресован, в основном, органам публичной власти [13, с. 38].

Представляется, что, говоря о соотношении исследуемых принципов, следует согласиться с Е. В. Вавилиным в том, что данные принципы обращены к разным субъектам, а потому и методы их действия различны: один регулирует, другой запрещает. Поэтому в рамках механизма реализации прав и исполнения обязанностей вмешательство в частные дела проявляется как возникновение препятствий на стадии правоотношения либо на этапе установления юридических фактов. В качестве фактических препятствий в процессе осуществления могут выступать бездействие участников гражданского оборота, неправомерные или недобросовестные их действия, препятствия объективного характера. Поэтому в механизме осуществления

прав и исполнения обязанностей принцип беспрепятственного осуществления прав по своему действию аналогичен принципу недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в личные дела, но подразумевает более широкий спектр требований и условий. Это дает возможность рассматривать принцип беспрепятственного осуществления прав широко, а недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела – как одно из его проявлений [2, с. 165–167]. Другими словами, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела является частным случаем беспрепятственного осуществления прав [4, с. 78].

Однако каково же будет содержание и механизм реализации принципа недопустимости произвольного вмешательства в семейное право? Следует заметить, что данный принцип включает ряд оценочных категорий, не имеющих четкого содержания. Во-первых, СК РФ не содержит четкого определения того, что есть «произвольное вмешательство» в дела семьи. Во-вторых, нет никакого перечня лиц («кого-либо»), которым запрещено вмешиваться в дела семьи. В-третьих, остаются открытыми вопросы о том, что именно понимать под «делами семьи» и каков перечень таких «дел», в которые запрещено вмешиваться. Попробуем разобраться в этом и предложить некоторые ответы.

1. Оценочные категории – это выраженные в нормативных актах положения (предписания законодателя), в которых закрепляются наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, детально не разъясняемые законодателем с тем, чтобы они конкретизировались путем оценки в процессе реализации норм права [7, с. 26]. Посредством оценочных категорий происходит отображение «в нормативных актах страны всех многообразных социальных явлений в их динамическом развитии. Именно в них в наиболее общем виде объединяются различные неоднородные факты, явления, находящиеся в сфере правового регулирования, дается их оценка на основании определенных критериев» [16, с. 6].

Обращение законодателя к оценочным категориям как приему юридической техники позволяет обеспечить гибкость правового регулирования и является объективно необходимым,

поскольку данные категории позволяют добиться полноты и динамичности законодательства, отобразить в праве явления морального, этического и нравственного характера, предоставить субъектам право выбора в конкретной ситуации наиболее целесообразного варианта поведения [12, с. 180]. Использование оценочных понятий дает возможность правоприменителю реагировать на соответствующие социально значимые изменения, происходящие в явлениях, описанных с их помощью, учитывать особенности соответствующих юридических конструкций в целом и каждой конкретной ситуации в отдельности. Однако использование оценочных категорий имеет и обратную сторону, а именно: произвольность и субъективизм их толкования, практически неограниченную свободу усмотрения в процессе применения. В отличие от позитивных свойств, проявляющихся в сфере творчества, негативные свойства имеют место на стадии применения права [11, с. 4]. Из этого следует, что использование оценочных категорий в семейном праве в целом и при формулировке его принципов в частности само по себе является оправданным, однако это возлагает на высшие судебные инстанции и научную доктрину задачу по толкованию таких категорий, определению границ, в рамках которых правоприменитель вправе осуществлять собственное усмотрение.

2. Исходя из анализа норм СК РФ можно сделать вывод, что запрет постороннего (произвольного) вмешательства в дела семьи распространяется не только на должностных лиц, но и на всех остальных граждан, не являющихся членами конкретной семьи. Поэтому, на мой взгляд, категории «кого-либо» следует придавать расширительное толкование. Относительно же категории «дела семьи» следует заметить, что сам СК РФ содержание термина «семья» (или «дела семьи») не раскрывает, но в силу ст. 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства»¹. Поэтому «произвольным вмешательством», например, со стороны родственников будут требования о выборе супругами конкретного места жительства, работы, методов воспитания ребенка, распределения домашних обязанностей и т. д. При этом обратим внимание,

¹ Рос. газ. 1995. 5 апр.

что механизм разрешения такого рода родственных конфликтов четко не урегулирован СК РФ, и тут будут действовать общие правила по защите гражданских и семейных прав. Намного более четко в СК РФ регламентировано такое недопустимое вмешательство, как разглашение тайны усыновления, и этот запрет распространяется на всех: и родственников, и органы власти, и третьих лиц, которым стало об этом известно.

3. Рассматриваемый принцип предполагает запрет не вообще любого вмешательства в дела семьи, а только произвольного, не основанного на законе вмешательства. Однако возникает вопрос о том, что следует понимать под термином «произвольное вмешательство»? А. С. Косач полагает, что произвольное вмешательство – это самовольное участие одного субъекта в делах другого, при этом отсутствует согласие второго субъекта на такое вмешательство; оно осуществляется с нарушением требований норм и принципов права [9, с. 12].

Действительно, представляется, что «вмешаться» в какие-либо отношения – это значит совершить действие, влияющее на ход этих отношений, не будучи их изначальным участником. Другими словами, вмешаться в частные дела не может то лицо, которое было их субъектом с самого начала. Кроме того, следует отграничить вмешательство от обычного вступления в гражданско-правовые отношения, например, посредством заключения сделки. Основная отличительная черта вмешательства состоит в том, что оно происходит помимо желания других участников соответствующего правоотношения.

Различая законное и незаконное (произвольное) вмешательство, следует заметить, что законное вмешательство в дела семьи достаточно подробно изложено в СК РФ и других семейно-правовых актах. Например, если супруги обращаются в суд с просьбой о разводе, и суд дает им время (до трех месяцев) на примирение и размышление – это и есть вмешательство в дела семьи, однако вмешательство, соответствующее закону. Но больше всего случаев вмешательства мы видим со стороны органов опеки и попечительства, которые обладают такой возможностью в целях защиты прав несовершеннолетних детей. Вмешательство в дела семьи осуществляют также прокурор и суд, например, в случае лишения родительских прав, для защиты

интересов нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи. Примером произвольного вмешательства могло бы стать требование органов публичной власти к молодоженам прийти на церемонию государственной регистрации брака в одежде определенного цвета (или установить штраф за нарушение этих требований). Однако такое решение означало бы избыточное вмешательство государства в частную жизнь граждан, тем более, что в данной сфере общественных отношений существует достаточно традиций, которые граждане соблюдают добровольно.

4. Конструкция исследуемого принципа в целом соответствует общепринятым принципам и нормам международного права, а также имеет ряд аналогов в семейном законодательстве других республик бывшего СССР. Так, согласно ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». В силу ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств»².

В большинстве стран СНГ право на защиту от незаконного вмешательства государства и третьих лиц в личную (в том числе семейную) жизнь граждан гарантировано их конституциями. При этом, например, такие положения ст. 28 Конституции Республики Беларусь конкретизированы в гражданско-правовом принципе недопустимости произвольного вмешательства в частные дела: «Вмешательство в частные дела не допускается, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется на основании правовых норм в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав

² *Ведомости Верхов. Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.*

и свобод других лиц» (ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Исходя из анализа содержания данного принципа, белорусские ученые предлагают сделать следующие выводы: «Во-первых, естественное право на неприкосновенность частной жизни не абсолютизируется законодателем, поскольку допускается возможность его ограничения; во-вторых, обнаруживается коллизия между содержанием конституционной нормы, допускающей ограничение прав и свобод личности только на основании закона (ст. 23 Конституции Республики Беларусь), и ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь, в которой термин “закон” заменен значительно более широким по содержанию термином “правовая норма”; в-третьих, законодатель оперирует терминами “личная жизнь” и “частные дела”, не раскрывая их содержания. Вместе с тем нельзя не отметить, что эти понятия оценочные и сформулировать их строгую логическую дефиницию не представляется возможным, что, с одной стороны, вызывает потребность в их доктринальном осмыслении, а с другой – необходимость в более подробном правовом регулировании отдельных нематериальных благ с целью обеспечения их адекватной защиты» [1, с. 12–13].

5. В качестве примера недопустимого (произвольного) вмешательства государства в дела семьи в научной литературе иногда приводят нормативное регулирование следующего аспекта суррогатного материнства. Согласно п. 4 ст. 51 СК РФ лица, давшие свое согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка *только с согласия этой женщины*. По мнению И. А. Диковой, данная норма допускает воспрепятствование суррогатной матерью осуществления родительских прав истинным родителям ребенка. Это «не только противоречит основным началам семейного законодательства о недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи и обеспечении беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, но и полностью девальвирует суррогатное материнство как эффективный метод борьбы с бесплодием» [5, с. 23].

Соглашаясь с наличием указанной проблемы, все же следует заметить, что намного большее количество примеров произвольного вмешательства государства в дела семьи дает анализ деятельности органов опеки и попечительства,

связанных с отобранием ребенка у родителей. Основанием для такой деятельности является ст. 77 СК РФ, согласно которой при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать его у родителей или у тех лиц, на попечении которых он находится. Немедленное отобрание ребенка производится органом опеки и попечительства на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта РФ либо акта главы муниципального образования в случае, если законом субъекта РФ органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами.

Следствием вмешательства вполне может быть лишение или ограничение родительских прав. Так, в силу п. 2 ст. 73 СК РФ, ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие). Ограничение родительских прав допускается также в случаях, если оставление ребенка с родителями вследствие их поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей родительских прав. Если родители не изменяют своего поведения, орган опеки и попечительства по истечении шести месяцев после вынесения судом решения об ограничении родительских прав обязан предъявить иск о лишении родительских прав. В интересах ребенка орган опеки вправе предъявить иск о лишении родителей (одного из них) родительских прав до истечения этого срока. Однако открытый перечень оснований ограничений родительских прав часто провоцирует чрезмерную активность органов опеки и попечительства, злоупотребление ими публичным интересом (о чем даже сообщают средства массовой информации). Например, воспитание ребенка одним из родителей, отсутствие собственного жилья, потеря работы в связи с сокращением штата, отсутствие дополнительных источников дохода и иные подобные обстоятельства могут быть в совокупности оценены органом опеки и попечительства как «стечение тяжелых обстоятельств». Поэтому следует поддержать вывод о том, что прежде, чем отбирать ребенка, органы опеки и попечительства должны оказать содействие семье в получении необходимой помощи [6, с. 131].

С мнением об отсутствии в ст. 77 СК РФ четких критериев и оснований для отобрания ребенка у родителей согласны и другие авторы, отмечающие, что нужны более конкретные формулировки и законодательные дефиниции, причем «основное усилие государства должно быть направлено на поддержку семьи, восстановление традиционных семейных ценностей и укрепление семейного благополучия, а не на то, чтобы внушить страх родителям и боязнь обратиться в медучреждение, если ребенок пострадал от случайного падения, так как есть вероятность, что придут из опеки и поставят семью на учет» [14, с. 195–196].

Более того, отмечается, что сейчас само «наличие в семье несовершеннолетнего ребенка является достаточным основанием для вмешательства, нередко бесцеремонного, представителей органов опеки и попечительства, а также органов внутренних дел во внутренние дела семьи, проникновения в жилище, для постановки семьи на учет как находящейся в социально опасном положении, и контроля за такой семьей, в том числе с применением мер индивидуальной профилактической работы и с детьми, и с их родителями» [8, с. 20].

Как ни парадоксально, но проведенная в феврале 2017 г. декриминализация семейного насилия (соответствующий закон перевел побои, наносимые близким родственникам, из категории уголовных преступлений в административные правонарушения, если такой проступок совершен впервые) осуществлена в соответствии с исследуемым принципом, поскольку уменьшает произвольное вмешательство государства в дела семьи, в данном случае в части бытового насилия³. Однако данный закон породил другую дискуссию – о том, где проходит грань между публичными интересами государства и частными интересами семьи, где грань между произволом и законным вмешательством государства в семейные дела. Сторонники одной позиции утверждают, что наличие уголовной ответственности за побои выполняло превентивную функцию, предотвращая рост насилия в семье; дру-

гие считают, что российские «традиционные семейные ценности» допускают такие акты рукоприкладства («бьет – значит любит»). Однако факт состоит в том, что в результате принятия закона количество случаев домашнего насилия увеличилось почти в 3 раза. При этом в государственной статистике отображаются всего 3 % случаев таких побоев⁴. Несомненно, данная дискуссия должна быть продолжена, однако очевидно, что принятый в 2017 г. Федеральный закон № 8-ФЗ⁵ не решил проблему, а только усугубил ее, что требует разработки комплекса мер по профилактике семейного насилия и поиска баланса между законным и произвольным вмешательством в семейные дела. Из вышеизложенного вытекает вопрос о том, каков критерий допустимости вмешательства в семейные дела.

Один из возможных вариантов ответа на него был предложен Конституционным Судом РФ. В постановлении Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона “О реструктуризации кредитных организаций” и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций” в связи с жалобами ряда граждан»⁶ Конституционный Суд РФ указал, что публично-правовое вмешательство в частноправовые отношения должно основываться на общеправовом принципе *соразмерности и пропорциональности* вводимых ограничений.

Безусловно, в данном случае перед нами очередная оценочная категория, однако учитывая, что данный принцип широко применяется в ряде зарубежных стран, можно предложить разработать механизм его адаптации к особенностям российской правовой системы. Думается, что основной смысл соразмерности и пропорциональности ограничений семейных прав граждан должен заключаться в адекватности нормативного регулирования такого вмешательства фактическим обстоятельствам, породившим данный вопрос, причем важно при определении данных критериев учитывать существующие в обществе

³ О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 7 февр. 2017 г. № 8-ФЗ // Рос. газ. 2017. 10 февр.

⁴ Бакун И. Чувство безнаказанности привело к усилению агрессии. URL: https://www.znak.com/2018-01-22/god_sprustya_chem_obernulas_dekriminalizaciya_domashnih_poboev

⁵ О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 7 февр. 2017 г. № 8-ФЗ // Рос. газ. 2017. 10 февр.

⁶ Рос. газ. 2001. 11 июля.

представления о целесообразности государственного вмешательства.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Вмешательство – это действия постороннего лица, влияющие на реализацию семейных прав без согласия членов семьи. Со стороны государственных и муниципальных органов вмешательство в дела семьи может выражаться как в форме правотворчества (декриминализация домашнего насилия), так и индивидуального правоприменения (деятельность органов опеки и попечительства по отобранию детей у родителей, лишение их родительских прав).

2. Не являются произвольным вмешательством в дела семьи действия, совершаемые в соответствии с законом и отвечающие принципу соразмерности и пропорциональности. При проверке произвольности или допустимости вмешательства следует проверять нормативные и фактические основания оцениваемых действий, а также наличие соразмерности между этими основаниями.

3. В настоящий момент нормативная реализация принципа запрета произвольного вмешательства в дела семьи носит противоречивый характер. С одной стороны, декриминализация семейного насилия – это уменьшение вмешательства государства и общества в дела семьи, с другой стороны, мы видим усиление роли ювенальной юстиции (и даже появление в некоторых странах ювенальных судов), что позволяет говорить об увеличении вмешательства государства в дела семьи. Представляется более логичным поменять местами эти тенденции – уменьшить возможности произвола ювенальной юстиции и вернуть уголовную ответственность за семейные побои. Это и будет наилучшей формой реализации принципа соразмерности и пропорциональности, в силу которого семейные права могут быть ограничены только на основании федерального закона и лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства.

Список литературы

1. Бондаренко Н. Л. Устранение пробелов в гражданском законодательстве в целях защиты прав физических лиц и реализации принципов гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. 2016. № 1. С. 6–18.
2. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2009. 338 с.
3. Гражданское право : учеб. : в 2 ч. / отв. ред.: В. П. Мозолин, А. И. Масляев. М., 2005. Ч. 1. 719 с.
4. Дерюгина Т. В. Принципы осуществления гражданских прав : моногр. М., 2010. 188 с.
5. Дикова И. А. Регулирование отношений, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий, в семейном и гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с.
6. Замрий О. Н. О предпосылках злоупотребления публичным интересом со стороны органов опеки и попечительства // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, ПГНИУ, 18–19 нояб. 2016 г.). Пермь, 2016. С. 129–132.
7. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве // Правоведение. 1976. № 1. С. 25–31.
8. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Недопустимость произвольного вмешательства в дела семьи государственных органов и должностных лиц через призму социального патроната // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 4. С. 20.
9. Косач А. С. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 22 с.
10. Кузнецова О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 43 с.
11. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 53 с.
12. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия как инструмент судебного регулирования гражданских правоотношений // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 4. С. 179–184.
13. Российское гражданское право : учеб. : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2014. Т. I : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 961 с.
14. Сабитова Э. Н. Механизм защиты детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации: постановка проблемы // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, ПГНИУ, 18–19 нояб. 2016 г.) / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. Пермь, 2016. С. 195–196.
15. Страунинг Э. Л. Самозащита гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 168 с.
16. Фетисов О. Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 23 с.

References

1. Bondarenko N. L. Ustranenie probelov v grazhdanskom zakonodatel'stve v tselyakh zashchity prav fizicheskikh lits i realizatsii printsipov grazhdanskogo prava [Bridging Gaps in Civil Law in Order to Protect the Rights of Individuals and Implement the Civil Principles]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava – Actual Problems of Civil Law*, 2016, no. 1, pp. 6–18.

2. Vavilin E. V. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [The Exercise and Protection of Civil Rights]. Moscow, 2009. 338 p.
3. Mozolin V. P., Maslyaev A. I. (Eds.). *Grazhdanskoe pravo*. Ch. 1 [Civil Law. Part 1]. Moscow, 2005. 719 p.
4. Deryugina T. V. *Printsipy osushchestvleniya grazhdanskikh prav* [The Principles of the Exercise of Civil Rights]. Moscow, 2010. 188 p.
5. Dikova I. A. *Regulirovanie otnoshenii, vznikayushchikh pri primenении vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii, v semeinom i grazhdanskom prave Rossii*. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Regulation of Relations Arising from the Use of Assisted Reproductive Technologies in Family and Civil Law of Russia. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2011. 24 p.
6. Zamrii O. N. O predposylkakh zloupotrebleniya publichnym interesom so storony organov opeki i popechitel'stva [On the Premises of Abuse of Public Interest By the Guardianship Authorities]. *Sed'moi permskii kongress uchenykh-yuristov – Seventh Perm Congress of Legal Scholars*. Perm, 2016, pp. 129–132.
7. Kashanina T. V. Otsenochnye ponyatiya v sovetskom prave [Valuation Concepts in Soviet Law]. *Pravovedenie*, 1976, no. 1, pp. 25–31.
8. Kornakova S. V., Chigrina E. V. Nedopustimost' proizvol'nogo vmeshatel'stva v dela sem'i gosudarstvennykh organov i dolzhnostnykh lits cherez prizmu sotsial'nogo patronata [Inadmissibility of Arbitrary Interference in Family Affairs by Governmental Agencies and Officials Through the Prism of Social Patronage]. *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 4, pp. 20.
9. Kosach A. S. *Printsip nedopustimosti proizvol'nogo vmeshatel'stva v chastnye dela v rossiiskom grazhdanskom prave*. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [The Principle of the Inadmissibility of Arbitrary Interference in Private Affairs in Russian Civil Law. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Krasnodar, 2007. 22 p.
10. Kuznetsova O. A. *Spetsializirovannye normy rossiiskogo grazhdanskogo prava: teoreticheskie problem*. Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [Specialized Norms of Russian Civil Law: Theoretical Problems. Ext. Abstr. Dr. Legal Sci. Dis.]. Yekaterinburg, 2007. 43 p.
11. Luk'yanenko M. F. *Otsenochnye ponyatiya grazhdanskogo prava: teoretiko-pravovoi analiz i praktika pravoprimereniya*. Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [Evaluation Concepts of Civil Law: Theoretical and Legal Analysis and Law Enforcement Practice. Ext. Abstr. Dr. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2010. 53 p.
12. Luk'yanenko M. F. Otsenochnye ponyatiya kak instrument sudebnogo regulirovaniya grazhdanskikh pravootnoshenii [Valuation Concepts as a Tool of Judicial Regulation of Civil Relations]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal Policy and Legal Life*, 2002, no. 4, pp. 179–184.
13. Sukhanov E. A. (Ed.). *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo. T. 1: Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava* [Russian Civil Law. Vol. 1: The General Part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights]. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2014. 961 p.
14. Sabitova E. N. Mekhanizm zashchity detei, okazavshikhsya v trudnoi zhiznennoi situatsii: postanovka problemy [Protection mechanism for Children in Difficult Situations: Problem Statement]. *Sed'moi permskii kongress uchenykh-yuristov – Seventh Perm Congress of Legal Scholars*. Perm, 2016, pp. 195–196.
15. Strauning E. L. *Samozashchita grazhdanskikh prav*. Dis. kand. jurid. nauk [Self-Defense of Civil Rights. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 1999. 168 p.
16. Fetisov O. E. *Otsenochnye ponyatiya v prave: problemy teorii i praktiki*. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Valuation Concepts in Law: Problems of Theory and Practice. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Tambov, 2009. 23 p.